

Митрополит Волоколамский Иларион: «Самое главное, что Христос принес человечеству - это Он Сам»

Лекция, прочитанная на кафедре теологии Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ 4 сентября 2013 года.

История христианства началась в конкретный момент человеческой истории. Христианство – это не религия, которая взялась непонятно откуда, и не религия, которая существовала извечно. Это религия, которая здесь на земле была основана конкретным Человеком – Иисусом Христом. Вчитываясь в Евангелия, в Деяния апостольские, в послания апостола Павла, мы видим, что христианство пробивало себе путь через тернии истории с большим трудом. Но еще труднее было учению, которое принес Христос, пустить корни в человеческих сердцах.

Можно спросить: «В чем заключается суть этого учения, что самое главное, что Христос принес на землю?». Это не какие-то конкретные нравственные заповеди, потому что в значительной степени заповеди христианства повторяли нравственный кодекс Ветхого Завета. Это и не весь свод речений Иисуса. Самое главное, что принес Иисус Христос человечеству, это Он Сам. Христианство христоцентрично. Его сущность заключается не в том только, чтобы изучить, понять и воплотить в жизнь какие-то аспекты учения Христа, хотя само по себе это очень важно. Суть христианства заключается в личной встрече человека с Иисусом Христом. Собственно, с этого и начиналась вся история христианства.

Когда Христос шел вдоль Галилейского озера, Он видел, что там сидят рыбаки, которые совершенно не представляли себе, что их жизнь когда-то будет связана с книжностью, с путешествиями, с каким-то богословским учением. Это были простые, необразованные люди. И вот этот незнакомый Человек подходил к ним и говорил: «Бросайте свои сети, пойдете со Мной». И они бросали свои сети, оставляли свои дома, своих родителей, своих близких и шли за Ним, не зная, куда и зачем Он их поведет.

Точно так же христианство приходило в дома людей, в том числе людей, которые совершенно не ожидали, что Христос встретится на их пути. Мы слышали историю апостола Павла – человека, о котором рассказывается в Деяниях апостольских, что сначала он был гонителем Церкви. Почему? Потому что он считал, что христианство противоречит ветхозаветной иудейской религии, которой он был глубоко предан, то есть он был гонителем Церкви из вполне религиозных соображений. Но

Христос явился ему на пути, осиял его Своим ослепительным светом и прямым, непосредственным образом обратился к нему. С этого началась вторая жизнь апостола Павла, которому, как он сам говорил, суждено было более других потрудиться в проповеди христианства.

Личная встреча между человеком и Христом является сердцевинной христианства. Ее невозможно заменить ничем другим. Эта личная встреча происходит внутри Церкви. Если спрашивать, что самое главное, что Христос оставил на этой земле, то это, конечно, Церковь. Церковь как совершенно особая форма человеческого сообщества, о котором апостол Павел говорит: «вы – Тело Христово» (1 Кор. 12, 27), то есть Церковь как совокупность верующих составляет Тело Христа, а Христос является Главой этого Тела.

А что связывает христиан между собою? Конечно, это и нравственное учение, и теология, но прежде всего это факт личной встречи со Христом. Этот факт, по сути дела, имеет место в жизни каждого христианина. Просто эта встреча происходит очень по-разному. Бывает так, как это произошло с апостолом Павлом: человек живет своей жизнью, и вдруг Христос каким-то образом, в какой-то момент его жизни просто в нее вторгается и все в ней меняет. И человек заново рождается, потому что он встретил Христа. Эта встреча может произойти и иным образом: например, человек родился и вырос в христианской, церковной семье, и ничего внезапного в его приходе к Богу нет. Но в тоже время на каком-то этапе своего развития, будь то в детстве или в юности, а может быть и в зрелости человек должен встретить Христа на своем собственном опыте.

Для того чтобы эта встреча произошла, в Церкви существует разные средства. Одно из них – молитва, причем обращенная непосредственно ко Христу как к Богу и человеку. Люди, которые молятся, которые имеют свой собственный опыт молитвы, хорошо знают, что молитва имеет движение не только в одну сторону: когда мы обращаемся ко Христу, мы можем произносить какие-то слова, мы можем приносить Ему какие-то чувства, эмоции, переживания, но при этом мы получаем ответ от Христа. Человек, который имеет опыт молитвы, очень хорошо знает, что молитва – это не монолог, а диалог: на молитву приходит ответ. Он приходит в разной форме. Необязательно в форме голоса, который человек слышит. Он может приходиться в форме внутреннего убеждения, в форме ответа на вопросы, которые человека терзают: он этих ответов не находит, и вдруг через молитву они приходят; и ему становится ясно то, что прежде было совершенно неясно и непонятно. Христос отвечает человеку в самой разной форме. Но личная живая связь между христианином и Христом – это то, на чем зиждется христианство, это то, в чем сила христианства.

Есть еще один способ, который предлагает Церковь для того, чтобы люди в своем непосредственном опыте соприкоснулись со Христом. Это таинство Евхаристии. Интересно, что Церковь некоторое время существовала без своего собственного Священного Писания. Ведь

Евангелия не сразу появились, их не Христос написал. Их написали Его ученики, причем не сразу после Его Воскресения, а несколько десятилетий спустя – когда они уже состарились, когда они многое переосмыслили и когда, может быть, уже не так хорошо помнили все мелкие подробности того, что они видели и слышали. И, тем не менее, они все это записали, и сегодня мы, христиане, говорим, что одним из источников нашего вероучения является Священное Писание. Но это только один из источников, потому что мы считаем, что не менее важным источником является то, что мы называем Священным Преданием.

Священное Предание существовало раньше, чем появилось Священное Писание. Оно включает в себя всю совокупность религиозного опыта людей из поколения в поколение, людей, которые переживают свою собственную встречу с Богом, которые потом об этой встрече рассказывают другим. Еще до того, как был создан корпус Священного Писания Нового Завета, Церковь уже существовала как единая община, и она уже ощущала себя телом Христовым. Ее скрепляло таинство Евхаристии, которое впервые совершил Сам Христос накануне того, как Он был предан на распятие, когда Он собрал Своих учеников и под видом хлеба и вина преподал им Свои Тело и Кровь. Это событие стало тем моментом, когда Церковь получила свою актуализацию, свое бытие на этой земле. После этого Христос в физическом смысле удалился, потому что сначала Он умер, потом воскрес и являлся Своим ученикам, но Он уже не находился постоянно среди них, а то, что им осталось – это Евхаристия, которую они совершали регулярно, собираясь вместе. Причем на таких евхаристических собраниях всегда был кто-то старший, кто занимал место Христа на Тайной вечере, кто преломлял хлеб и раздавал другим этот хлеб и вино. Таинство Евхаристии было тем моментом встречи учеников с Христом, которая вновь и вновь повторялась, вновь и вновь актуализировалась всякий раз, когда они собирались вместе.

В Деяниях апостольских есть очень интересное и малопонятное сегодня выражение, которое рассказывает о том, как ученики собирались на Евхаристию. Употребляется термин «эпи то авто» – это греческий термин, который буквально обозначает «на то же самое». Ученики собирались в каком-то месте. Поначалу ведь и храмов никаких не было. Это происходило в частных домах. Они собирались для «того же самого», то есть приходили с конкретной целью, и у всех цель была одна и та же: эта цель заключалась в том, чтобы вновь пережить то, что они пережили, когда Христос был среди них. И у них было отчетливое ощущение, что Христос продолжает находиться среди них, что то дело, которое Он начал, продолжается, что то, чему Он их учил, продолжает звучать в их сердцах и ушах.

Поначалу христианская община состояла из тех людей, которые сами видели Христа, и поэтому, когда создавалось последование Евхаристии, когда складывалось вообще христианское богослужение, его авторами были непосредственные свидетели, которые участвовали в земной жизни Христа. Как говорит апостол Иоанн Богослов: «О том, что было от начала, что мы слышали,

что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, — о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам» (1 Ин. 1-3). Но постепенно к этой общине стали прибавляться люди, которые никогда при жизни не встречали Христа. Одним из первых таких людей был апостол Павел. Апостолы не сразу его приняли, потому что помнили, что он был гонителем, и поначалу не доверяли ему.

Итак, в Церковь приходили все новые и новые люди. Им нужно было помочь не просто узнать, что когда-то где-то жил такой Человек, Который учил так-то и так-то, но помочь им пережить тот самый опыт, который имели ученики Христа, когда они встречались с Ним, когда видели Его, когда слышали Его. Именно для этого Церковь и создавала ту свою литургическую, духовную и книжную культуру, которая помогала людям в наибольшей полноте приобщиться к живому Христу не как к историческому персонажу, а как к реальному Главе Церкви, Который продолжает ее управлять и Который продолжает в ней присутствовать. Вот для чего, собственно, и понадобились Евангелия, вот почему их стали записывать.

Здесь надо обратить внимание на очень интересный факт. Иисус Христос Сам ничего не написал, хотя, наверное, мог бы это сделать. Мы можем задать вопрос: а почему Он, имея в своем распоряжении несколько лет, не уединился где-то, не закрылся в кабинете и не написал все то, что Он хотел оставить людям? Почему Он только говорил устно, а потом все отдал в руки своих учеников? Ведь они могли что-то перепутать, что-то недопонять. Мне кажется, что, конечно же, в этом был определенный умысел, потому что Христос как Воплотившийся Бог, создавая Свою религию, с самого начала создавал ее человеческими руками. Он не хотел делать что-то в одиночку. Как только Он вышел на проповедь, первое, что Он сделал – это собрал учеников вокруг Себя, чтобы, во-первых, они Его слушали и у Него учились, а во-вторых, чтобы они потом передавали все то, что Он им говорил, другим людям. И Он доверил им созидание Церкви. Он ее основал, но все ее реальное бытие, всю ее, так сказать, инфраструктуру, которая очень быстро создавалась и которая уже через несколько столетий охватила всю тогдашнюю вселенную, Он отдал в руки людей.

Краеугольным камнем христианства является вера в то, что Христос был Воплотившимся Богом. Впоследствии, когда основным языком христианского богословия стал греческий, когда христианство было адаптировано для людей, воспитанных в эллинистической традиции, эту веру назвали догматом, то есть неким неопровержимым фактом, который не должен оспариваться. И внутри христианской Церкви он не оспаривался, хотя иной раз его пытались интерпретировать по-разному. В IV и особенно в V веке было много споров о том, как в Иисусе Христе сочеталось Божественное и человеческое начала, или Божественная и человеческая природы. Были разные мнения, из которых Церковь выбрала только одно, а именно то, что Иисус Христос был

полноценным Богом и полноценным человеком одновременно, то есть при соединении Божества с человечеством Божественная природа не претерпела какого-то ущерба, так же как и человеческая природа не стала неполноценной. Христос как человек был во всем подобен людям, кроме греха, а как Бог Он был подобен во всем Своему Отцу.

В христианской традиции есть такое понятие как Троица, догмат о Святой Троице. Сам термин «Троица» не присутствует в Новом Завете – ни в Евангелиях, ни в Деяниях апостольских, ни в Посланиях апостолов. Этот термин впервые появился, по крайней мере, насколько можно судить по сохранившимся памятникам, в конце II века у Феофила Антиохийского, а затем, в III веке, у западных авторов, писавших на латинском языке.

Но что мы находим в Евангелии, это, прежде всего, постоянное свидетельство Иисуса Христа о Своем Отце. Во-первых, Он молится Своему Отцу, во-вторых, Он говорит ученикам: «Я пришел не для того, чтобы исполнять Свою волю, но чтобы исполнять волю Пославшего Меня Отца» (См. Ин. 6, 38). В-третьих, когда ученики говорят: «Покажи нам Бога, покажи нам Отца», Он им отвечает: «Вы уже видели Меня. Как же вы говорите: покажи нам Отца?» (См. Ин. 14, 7-9). Ведь Я вам говорю, что Я и Отец – одно» (Ин. 10, 30). Тема единства между Сыном и Отцом проходит как лейтмотив через всю проповедь Христа. Она вызывала полное недоумение у его слушателей из среды фарисеев, потому что они не могли понять, как у земного человека может быть Небесный Отец в том смысле, в каком об этом говорил Христос. И конечно, сами ученики далеко не сразу поняли, в чем заключается это единство между Отцом и Сыном, но для Христа это было одним из ключевых моментов его проповеди.

Говорил Он также и о Святом Духе. На Тайной вечере Он говорил: «Я должен уйти от вас, потому что если я не уйду, к вам не придет тот Утешитель – Дух Святой, – Которого Я пошлю вам от Отца и Который наставит вас на всякую истину» (См. Ин. 14, 16-17). С сошествия Святого Духа на апостолов, которое произошло в день Пятидесятницы, собственно, и началась история Апостольской Церкви, когда неграмотные рыбаки вдруг получили силу для проповеди Евангелия. Причем силу не только интеллектуальную, потому что интеллектуальные познания невозможно просто так приобрести в одно мгновение ока, а именно духовную, внутреннюю силу. При жизни Христа им, прежде всего, не хватало убежденности в правоте Его дела. Убежденности в том, что Он является Сыном Божиим, что Он Бог Воплотившийся.

И даже после того, как Он воскрес, не сразу и не все ученики в это поверили, потому что самого события воскресения Христа никто не видел. Они пришли к пещере, где лежало Его Тело, и увидели, что тела нет. Увидели только пелены, а как произошло это событие – воскресение – они не видели. Потом, когда Христос стал им являться, они не сразу Его узнавали, как это произошло с учениками, которые шли в Эммаус. К ним приблизился некий Путник, они начали с Ним говорить.

Их сердце горело, но они не могли понять, что это Христос, до тех пор, пока Он не преломил хлеб. Они узнали Его через этот жест, и после этого Он сделался для них невидимым. Это значит, что после воскресения физический облик Христа изменился. Люди, знавшие Христа, перестали Его узнавать или узнавали не сразу. Мария Магдалина, когда Христос явился ей у Своей гробницы, приняла Его за садовника. Она думала, что это садовник, который унес Тело Иисуса.

Преодолеть все эти сомнения, колебания, всю эту, казалось бы, очевидную невозможность самого факта воскресения своими силами ученики не могли – в этом как раз и помогал им Святой Дух. Воскресение Христа не является научно доказанным фактом, оно является событием внутренней жизни человека, и в том, что Христос воскрес, невозможно убедить людей какими-то простыми человеческими доказательствами. Впрочем, как невозможно убедить человека и в том, что Бог существует. С другой стороны, с самого начала апостолы говорили, что если Христос не воскрес, то наша вера тщетна. Это слова апостола Павла (См. 1 Кор. 15, 14). То есть, если Христос не воскрес, то вся проповедь христианства, по сути, является ложью. Она является ошибочной, потому что христиане говорят о том, чего не было, выдают желаемое за действительное. Той силой убежденности, с которой апостолы осваивали новые земли, проповедовали Евангелие новым народам, переводили свои писания на другие языки, чтобы многие народы приобщились ко Христу, – этой силой они стали обладать после того, как на них сошел Святой Дух.

Краеугольным камнем, на котором строится христианство как религия, является вера в то, что Иисус Христос не просто человек, не просто пророк, не просто учитель нравственности, но это Воплотившийся Бог. Тот самый Бог, Который извечно существовал, Который сотворил небо и землю. Тот самый Бог, в Которого верили иудеи на протяжении веков и сейчас продолжают верить, но Который в какой-то конкретный момент человеческой истории захотел стать человеком.

Возникает вопрос: а почему Он захотел это сделать? Христианское богословие дает примерно такой ответ: между человеком и Богом существует практически непреодолимая дистанция. Бог настолько далеко и настолько высоко, что своими усилиями человек приблизиться к Богу не может. Он, конечно, может делать какие-то шаги навстречу Богу, но эти шаги можно сравнить с тем, как если бы человек поднимался на гору, чтобы приблизиться к какой-нибудь звезде, находящейся на расстоянии нескольких миллионов световых лет. Действительно, взойдя на гору, человек к этой звезде приблизится на несколько сот метров, может быть, даже на пару километров, но по большому счету расстояние от этого практически не изменится, потому что дистанция будет почти столь же бесконечной. Так вот, дистанция между сотворенным человеком и нетварным Богом, между временным человеком и вечным Богом — несравнимо больше, чем дистанция между нами и звездами, находящимися на расстоянии миллионов световых лет.

Каким образом эту дистанцию можно преодолеть? С точки зрения христианства, человеческими

усилиями ее преодолеть невозможно. Здесь необходимо встречное движение Бога. И вот это движение Бога – то, что святые отцы называли снисхождением Бога к человеку в самом прямом смысле этого слова, – оно как раз и заключалось в факте Боговоплощения, в том, что Бог стал человеком. Он стал человеком для того, чтобы преодолеть дистанцию, отделяющую нас от Него. Он стал человеком для того, чтобы находиться не где-то далеко, а чтобы оказаться в гуще нашей человеческой жизни и стать одним из фактов человеческой истории.

Это удивительное соединение между вечным и временным, между трансцендентным и имманентным, между Божественным и человеческим – оно и является квинтэссенцией христианского учения. Оно является тем краеугольным камнем, на котором, с одной стороны, Церковь христианская всегда строилась, но, с другой стороны, о который вновь и вновь, как волны о скалу, разбивалась человеческая мысль. Потому что невозможно человеческим умом понять этот факт присутствия Бога среди нас – причем Бога не как какого-то существа величественного, внушающего страх, трепет и ужас, а Бога в человеческом облике, и не в облике какого-то сверхчеловека, а в облике младенца, который лежит в яслях, которого Мать питает грудным молоком, ребенка, который в храме сидит среди учителей. В облике простого учителя, который несколько лет ходил по территории очень маленькой страны и который потом был распят, умер, и одни говорили, что Он воскрес, а другие – что ученики придумали всю эту историю...

Очень трудно было человеческому уму тогда, да и теперь, понять, что такое вообще возможно. Поэтому вновь и вновь человеческий разум, как только он пытался подступиться к этой тайне и интерпретировать ее, исходя из чисто человеческих, рациональных посылок, сталкивался с невозможностью эту тайну понять и осмыслить. Если говорить о древних временах, то было немало еретиков, которые не смогли справиться с этой дилеммой – как это Бог стал человеком? – и предлагали свои, самые разные интерпретации этого факта, которые Церковь отвергала. Но и в новое время, находясь уже на совершенно других позициях, люди – отдельные мыслители, философы, писатели – вновь и вновь сталкивались с этой невозможностью рационально принять факт Божества Христа.

Пример из сравнительно недавнего прошлого – история великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, который был воспитан в христианской вере, который был в течение некоторого времени практикующим православным христианином, ходил в церковь, исповедовался, причащался. Но потом в какой-то момент, поскольку он был человеком не столько эмоциональным, сколько рациональным (если вы почитаете его дневники, его переписку, то увидите, что в нем рациональное начало всегда доминировало над эмоциональным), он начал пытаться осмыслить и переосмыслить через призму критического разума ту христианскую веру, которую унаследовал от своих родителей. И, начав этот процесс, он очень скоро эту веру потерял. Причем он не отрекся от христианства, как это делали, например, некоторые отступники, будь то в IV или в XX веке, а он

просто сказал, что христианство – это очень интересное и полезное само по себе нравственное учение, что в учении Христа очень много хорошего – того, что можно взять и правильно использовать. Но из христианства нужно выкинуть все то, что не вписывается в рамки рационального сознания. А что в него не вписывается? Не вписывается вера в то, что Христос был Богом. Не вписывается то, что Он воскрес, – Он не мог воскреснуть, считал Толстой. Не вписывается то, что Он родился от Девы, – не может человек родиться от девы, и так далее.

То есть Толстой как бы по-своему переосмыслил Евангелие. Более того, он даже сделал то, что он называл переводом Евангелия. Он, правда, не владел греческим языком, а работал по французскому подстрочнику. Он взял евангельский текст, выкинул из него все, что ему не понравилось, показалось неподходящим. Он заменил некоторые слова, заменил целые термины и все это выдал за христианское учение. Он стал говорить людям, что Церковь их обманывает, предлагает какие-то нелепые ритуалы, которые ничего не дают. А вот я, говорил Толстой, вам предлагаю истинное учение Христа, моя интерпретация – это и есть христианство. И ему удалось многих людей, в том числе из простого народа, отторгнуть от Церкви. Они создавали свои общины толстовцев, по сути дела, превратились в секту.

Причем христианская нравственность как таковая была у Толстого сохранена, хотя и она была им переосмыслена. Основные нравственные заповеди он принимал, а вот всю мистическую и теологическую сторону христианства отвергал. Вот в чем была причина его конфликта с Церковью, вот почему он был отлучен от Церкви и почему Церковь с такой непримиримостью отнеслась к его попытке переформатировать и переформулировать христианство.

Но давайте вернемся к первохристианским временам, ко времени становления христианской Церкви и становления христианской мысли. Мы сказали уже о том, что ключевыми моментами христианской мысли были представления о том, что Христос – это Бог и что Он воскрес из мертвых. Но здесь надо сказать еще вот о чем: христианство с самого начала позиционировало себя как религия историческая, то есть религия, появившаяся в конкретный момент человеческой истории. Возникла она не на пустом месте – она появилась в конкретной стране как бы на фундаменте той религии, которая ей предшествовала и которую она стремилась в себя вобрать.

Священное Писание христианской Церкви состоит из двух частей, не равных по объему. Первая часть называется Ветхим Заветом, а вторая – Новым Заветом. Новый Завет – собственно, христианское Священное Писание. А Ветхий Завет – Священное Писание иудеев, то же самое, что и сегодня сохраняется в иудаизме. Христианство воспринимает Ветхий Завет как часть Священного Писания – и в этом смысле книги Ветхого Завета продолжают сохранять свою актуальность.

Но когда мы осмысливаем отношение Христа к ветхозаветной религии, то мы видим, что оно имело как бы два измерения. С одной стороны, Христос всегда подчеркивал преемственность между тем, что Он говорит, и тем, что говорили ветхозаветные пророки, между тем, что Он делал, и что они делали. Он говорил: «Я пришел не разрушить закон, то есть ветхозаветную нравственность, богословие, писание, а исполнить, то есть восполнить» (см. Мф. 5, 17). С другой стороны, Он нередко уточнял, дополнял ветхозаветные заповеди, а иной раз и противопоставлял им Свое видение. Часть Нагорной проповеди – три главы из Евангелия от Матфея, с 5-й по 7-ю, где в концентрированном виде излагается нравственное учение Христа, – состоит из таких формулировок: «Вы слышали, что сказано древним, а Я говорю Вам...». Например: «Вы слышали, что сказано древним: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам: если кто ударит тебя в правую щеку, то подставь ему и левую» (См. Мф. 5, 38-39). С одной стороны, Христос как бы строит Свое учение на фундаменте ветхозаветной религии, но с другой стороны, Он всегда стремится вывести нравственность, унаследованную от Ветхого Завета, на некий новый уровень. Он как бы показывает, что ветхозаветная религия была определенным этапом в развитии человечества, но то, что Он принес человечеству, – новый этап. Этот новый этап требует, с одной стороны, принятия Ветхого Завета в качестве некой предыстории, а с другой стороны, требует выхода на новую ступень, поскольку та дистанция между Богом и человеком, которая очень ощутима в Ветхом Завете, преодолевается. Но и в нравственном отношении христианство ставит новую, гораздо более высокую планку. И Христос позиционирует Себя все время, с одной стороны, как часть продолжающейся истории, а с другой стороны, как, по сути дела, основатель новой религии.

Но есть и другой очень важный момент, который мы замечаем, когда вчитываемся в Евангелие, Деяния апостольские и Послания апостолов. Они воспринимали уход от них Христа как событие временное и ожидали, что Христос очень скоро вернется. Когда сегодня люди говорят о Втором пришествии Христа, о конце света, обычно, об этом говорят и думают как о далеком событии, которое отстоит от нас на расстоянии какого-то хронологического периода. Совсем иначе дела обстояли у ранних христиан, у них было представление, что Христос может явиться буквально со дня на день. Каждое свое богослужение, каждую трапезу, на которую они собирались «для того же самого», то есть для Евхаристии, они завершали словами: «Ей, гряди, Господи Иисусе» (Откр. 22, 20). То есть, Господи Иисусе, приди скорее, мы Тебя здесь ждем.

Это ожидание пришествия Христа было очень сильным. Многие апостолы думали, что Второе пришествие Христа произойдет при их жизни. Апостол Павел в одном из своих посланий говорит, что Второе пришествие Христа наступит тогда, когда умершие воскреснут, а мы, живущие, оставшиеся здесь, на земле, изменимся (см. 1 Фес. 4, 16-17). Этим ожиданием первые христиане жили, но оно не осуществлялось. Апостолы умерли, появилось следующее поколение, потом другие поколения. История христианства продолжается двадцать веков, и возникает вопрос: была ли эта вера апостолов в то, что Христос придет, и в то, что пришествие Христа близко, ошибкой,

заблуждением? Происходила ли она от их невежества или от того, что они не понимали до конца смысл происходившего?

Я думаю, что ответ здесь другой. Христос еще при своей жизни говорил, что история человечества когда-то закончится, что этому будут предшествовать трагические события: войны, землетрясения, потопаы, «восстанет народ на народ, и царство на царство» (Мф. 24, 7), будет разделение в семьях. Но Он не сказал, когда это произойдет. Когда ученики спрашивали Его, Он ответил: «Об этом дне и часе не знает никто, даже Ангелы. Об этом знает только Отец мой Небесный» (См. Мф. 24, 36). Он оставил эту дверь открытой. И каждое новое поколение христиан продолжало жить тем же ожиданием Второго пришествия Христа. Но если для первых христиан это было ожидание радостное, потому что они верили в то, что за концом истории, за концом их человеческой жизни настанет вечность и в этой вечности они встретятся со Христом, то постепенно эти эсхатологические – то есть относящиеся к последним временам – настроения трансформировались в страх перед тем, что земная история когда-то закончится, перед теми природными катаклизмами и событиями, которые были предсказаны Христом.

Когда люди говорят, что конец света может произойти раньше или позже, то, как правило, они об этом говорят со страхом, надеясь, что это произойдет как можно позже, по возможности не при их жизни. Между тем, все богословие и вся литургическая жизнь христианства, в том числе и богослужение Православной Церкви, с которым кто-то из вас, конечно, знаком, а кто-то при желании может познакомиться, пронизано как раз этой идеей постоянного ожидания Второго пришествия Христа. В этом смысле христианство имеет очень прочные корни в прошлом, но оно имеет и очень ярко выраженную обращенность к будущему. Оно апеллирует к опыту Ветхого Завета и считает ветхозаветную историю частью своей истории, но в тоже время оно апеллирует ко всей дальнейшей истории человечества, вплоть до Второго пришествия и перехода человечества в иное качество, из временной жизни в вечную.

Я хотел бы сделать последнее замечание. Когда мы говорим о развитии христианского богословия, о развитии христианской мысли, то Церковь это развитие не воспринимает как создание чего-то нового, как, например, появление новых догматов, новых учений. Церковь воспринимает это как постепенное раскрытие всего того, что уже содержится в Евангелии. Это относится и к богословским спорам IV века, когда было сформулировано учение о Святой Троице, и к спорам V века, когда богословы сформулировали, как соединяются в Иисусе Христе две природы – Божественная и человеческая. Это не были какие-то новые догматы, которые Церковь придумала. Все это содержится в Евангелии, но Церковь должна была дорасти до понимания этого. Она должна была это заново сформулировать.

На каждом новом этапе своей истории она формулировала богословские истины на том языке,

который был понятен современникам. Вся история христианской мысли заключается в том, что один и тот же догмат о Богочеловечестве Христа, один и тот же факт Воскресения Христова, одно и то же богословское и нравственное учение, которое один раз было Христом проповедано и которое зафиксировано в Новом Завете, – все это вновь и вновь осмыслялось, интерпретировалось, перелагалось на язык, доступный людям разных эпох.

Этот процесс развития христианской мысли продолжается по сей день.

Митрополит Волоколамский Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, председатель Синодальной Библейско-Богословской комиссии, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры, является профессором и заведующим кафедрой теологии Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ. Данная лекция открывает спецкурс «История христианской мысли», который будет прочитан митрополитом Иларионом в МИФИ в течение 2013-2014 академического года.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/52321/>